

§4 ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Суркова Е.А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ «УМНОЙ» СИЛЫ

Аннотация. Актуальность исследования феномена «умной» силы определяется целым рядом обстоятельств. В первую очередь, это растущее понимание среди политиков и политологов того, что для наилучшего обеспечения государственных и иных интересов, необходимо привлекать ресурсы и инструменты «умной» силы. Во-вторых, в условиях взаимозависимости политических и экономических факторов любое принуждение и применение насилия, может обернуться против того, кто им пользуется, в связи с этим актуальным вопросом мировой политики остается проблема оказания влияния без принуждения, через не прямые методы воздействия на массовое сознание. В-третьих, несмотря на обширное освещение проблематики «умной» силы и интересные научные подходы, в них в полной мере не обеспечивается необходимая комплексность в теоретическом осмыслении понятия «умной» силы. В исследовании используются общенаучные методы: анализ, индукция, дедукция, а также методологические наработки отдельных подходов, сформировавшихся в рамках теории международных отношений и мировой политики. Автором были подробно рассмотрены теоретические основы понятия «умной» силы, благодаря чему удалось сделать вывод о том, что «умная» сила занимает особое место в теоретическом осмыслении феноменов связанных с функционированием и эволюцией политической власти, а также создает новые возможности выбора политической стратегии для современных государств и других участников системы коллективного лидерства в мировой политике.

Ключевые слова: «умная» сила, «мягкая» сила, «жесткая» сила, политический процесс, государственная политика, международные отношения, политические науки, политология, власть, управление.

Abstract. The relevance of the phenomenon of “smart” power is being defined by a number of circumstances. First, this is a growing understanding among the politicians and political scientists of the fact that for the

better insurance of the state and other interests it is necessary to attract the resources and mechanisms of "smart" power. Second, under the conditions of interdependence of the political and economic factors, any compulsion or use of force can turn against those who apply it; and due to this, the problem of exerting influence without coercion, but by means of the indirect methods of affecting public consciousness in the world politics remains relevant. Third, despite the extensive coverage of the problematic of "smart" power and interesting scientific approaches, they do not provide the necessary comprehensiveness regarding to the theoretical understanding of the term "smart" power to the full extent. The author makes a conclusion that "smart" power holds a specific place in theoretical understanding of the phenomena associated with the functioning and evolution of political power, as well as creates new opportunities for choosing a political strategy for the modern states and other members of the system of collective leadership in the world politics.

Key words: Management, Authority, Political science, Politics, International relations, Government policy, Political process, "hard" power, "soft" power, "smart" power.

В изучении динамики мировых политических процессов ключевыми являются вопросы о силе основных акторов. «Баланс сил», на сегодняшний день, определяет стабильность системы международных отношений. Любое государство, если его рассматривать с точки зрения системы, решает несколько важных задач, во-первых, сохранение своей целостности, а во-вторых, поддержание этой целостности на максимально возможный срок. Реализовать данные потребности невозможно без взаимодействия с другими акторами в системе международных отношений.

Государства для осуществления внешней политики используют разнообразные технологии, одними из основных являются «жесткая», «мягкая» и «умная» сила. Однако, прежде чем перейти к исследованию этих технологий, рассмотрим категорию «силы» в ее внешнеполитическом значении. Еще Ф. Бэкон отмечал, что нет ничего более сложного, чем точная и правильная оценка силы и мощи империи.[1] Стоит заметить, что в научной политической мысли до сих пор нет единого определения для категории «силы». Т. Гоббс, например, рассматривал «силу», как «способ достижения очевидной выгоды в будущем».[2] Основоположник теории политического реализма, Г. Моргентау полагал, что «сила может включать в себя все то, что устанавливает и поддерживает власть человека над человеком – от физического насилия до самых тонких психологических связей, с помощью которых один разум управляет другим». Сов-

ременный исследователь У. Уолфорт отмечает: «Сила не подвергается проверке; ее элементы обладают разной степенью полезности в определенное время; отношение воспринятой силы к материальным ресурсам может быть неустойчивым; государства обладают различными темпами изменчивости и сравнительных преимуществ; они принимают во внимание различные асимметричные стратегии для улучшения своих позиций и ослабления соперников; путаются сигналы среди внутренней аудитории врагов и элит».[3] Бывший посол США в Саудовской Аравии, Чарльз Фримен рассматривает «силу», как способность управлять действиями и решениями других. Британский исследователь международных отношений, Эд. Карр определяет категорию «силы», как «способность государства использовать материальные ресурсы для того, чтобы заставить других делать то, что они в никоим случае не сделали бы».[4] Схожая трактовка и у американского политолога Дж. Стоссинджера: «Силой в сфере международных отношений является способность государства использовать материальные и нематериальные ресурсы таким образом, чтобы повлиять на поведение других государств».[5]

У определений которые были приведены выше, есть одна общая составляющая – это воздействие на политику других государств, которое может осуществляться различными методами, в том числе с помощью «умной» силы.[6]

Термин «умная» сила пришел в русский язык от английского «smart power» и был вве-

ден в научный и экспертно-политический оборот американским политологом Ф. Хемпсоном. Однако стоит сразу заметить, что любой перевод данного понятия несколько обедняет его смысл и стоящий за ним политический феномен. Например, для американцев больше подходит вариант «разумная» сила, которая предусматривает применение силы с умом. Для Европейского Союза, в полной мере не располагающего жесткими ресурсами влияния, актуален перевод «связывающая (собранная, скоординированная)» сила. Китайской политической стратегии более естественна дефиниция «мудрая» сила, которая отражает невозмутимость китайских дипломатов, а также надежду на обретение социального и международного единства путем реализации «научной концепции развития». В российском понимании «умная» сила, ближе к «рациональной (адекватной, трезвой)» силе, освобождающей от мифов и стереотипов.[7]

В целом же под «умной» силой понимают способность одних субъектов оказывать воздействие на других с целью получения желаемого результата. Она нуждается в институциональной структуре и не может осуществляться сама по себе, ей необходимы партнеры и союзники. Конечной целью «умной» силы является расширение влияния и легитимности.

Впервые концепт «умной» силы был предложен дипломатом С. Носсель в 2004 году в статье, опубликованной в журнале «Foreign Affairs». Носсель рекомендовала руководству США обратить внимание на необходимость пересмотра существовавшего в стране внешнеполитического курса в пользу новой модели, которую обозначила как «smart power».[8] Носсель, в отличие от многих исследователей, не включает «жесткую» силу в число компонентов «умной» силы, так как отрицает эффективность военной мощи. Она акцентирует свое внимание на дипломатическом элементе, который связывает с геополитической стратегией либерального интернационализма.

Еще одним американским представителем, обратившимся к проблематике «умной» силы является Э. Вильсон. В своей работе «Hard Power, Soft Power, Smart Power» он говорит о том, что «умная» сила всегда предполагает четкую цель, знание своих возможностей и ресур-

сов, а также осуществляется только при условии учета специфики государств, регионов и народов на которые воздействует. Следовательно, цели и позиции объектов властного влияния не могут подвергаться полному игнорированию со стороны субъекта, осуществляющего «умную» власть. Сами цели также должны однозначно осмысливаться государством (обществом), а следовательно, должны быть понятными для субъекта. Инструменты, посредством которых достигаются цели, должны применяться с учетом конкретных условий и ситуации в целом. Они могут использоваться как в обособленном порядке, так и в некой комбинированной форме. «Умная» сила в данном случае заключается в знании сильных и слабых сторон каждого из инструментов власти, а также скорости определения того, какой из инструментов в рамках конкретной ситуации и определенного контекста обладает наибольшей эффективностью.[9]

Свое продолжение концепция «умной» силы получила в 2007 году, когда специальной комиссией под названием «Smart Power Commission» при американском исследовательском центре стратегических и международных исследований, в состав которой вошли Дж. Най и Р. Армитидж, был подготовлен доклад под названием «A smarter, more secure America».[10] Американские исследователи предложили весьма широкий набор ресурсов и элементов феномена «умной» силы. Именно благодаря им, «умная» сила начинает рассматриваться в контексте соединения двух категорий «soft power» и «hard power» и встраивается в ранее созданную концептуальную систему. Понимания «умной» силы как комбинации «мягкой» и «жесткой» мощи придерживается, например, и известный индийский исследователь В.Р. Рагхаван.

Основное отличие данной концепции «умной» силы состоит в том, что она заостряет внимания на трех основных направлениях. Два направления ориентированы на международное измерение, а третье связано с внутренними государственными преобразованиями. Первое направление предполагает работу по распространению в мире принципа открытости того или иного государства, например на уровне глобального гражданского общества и свобод-

ного информационного обмена, а также на уровне экономического сотрудничества. Второе направление сопряжено с развитием международного сотрудничества и продвижением различного рода идей и инициатив, например финансированием различного рода программ по решению ключевых глобальных проблем. В рамках третьего направления свойством «умной» силы выступает усиленное регулирование деятельности федеральных агентств и ведомств, отвечающих в региональном ключе за реализацию внешней политики. [11]

Также интересным концептом, позволяющим проанализировать функции отдельных видов и типов силы является выделение «трех лиц силы», которые оказывают влияние на формирование условий для реализации интересов субъекта «умной» силы посредством воздействия на объект предпочтения. Первое лицо силы связано со способностями и возможностями актора-источника силы заставить других действовать неким образом, который противоречит их первоначальным намерениям и планам действий. Одним из первых обратил внимание на этот аспект силы Р. Даль в работе «Кто правит: Демократия и сила в американском городе». [12] Второе лицо силы оказывает воздействие на формирование и установки цепочки действий акторов-объектов, то есть возможности реализации тех или иных приоритетов и целей соответствующих акторов. По сути, ставится цель не допускать вынесения и формирования условий для реализации предпочтений, которые противоречат целям и задачам субъекта «умной» силы. Это может выражаться в установке правил игры, ограничивающих возможные программы действий и результаты решений для участников, которые присоединяются к установленному механизму, например, международной организации. С. А. Афонцев в своей работе посвященной политическим рынкам пишет, что: «решения, принимаемые на более высоких уровнях, ограничивают набор для реализации на более низких уровнях». [13] Например, при присоединении к АСЕАН соответствующая страна Юго-Восточной Азии должна автоматически принимать согласованные условия и правила игры, накладывающие определенные ограничения на ее по-

ведение как в рамках самой организации, так и вне ее. Не обязательно, что такие правила-ограничения установлены кем-то из акторов исключительно в своих интересах. Просто в рамках реализации «умной» силы актором, включающим в себя сразу несколько участников, может ставиться задача по ограничению негативных воздействий от участия внутренних и внешних акторов в их механизме/механизмах. Также причиной может быть результат коллективных согласований как максимальный возможный результат, за которым страны не готовы отказываться от наложения дополнительных ограничений на свои действия, но который позволяет достигнуть максимально эффективного результата коллективных целей, сформулированных на момент принятия установочного решения. При этом факта наложения ограничений присоединяющиеся акторы могут и не замечать. Третье лицо силы подразумевает воздействие идей, убеждений и ценностей на формирование изначальных предпочтений иных акторов. Это позволит формировать их предпочтения таким образом, чтобы потом они совпадали с целями источника «умной силы». [14]

Но что же такого нового в «умной» силе, если цели, которые она пытается достичь, совпадают с целями других форм силы? Одним из ответов может быть то, что «умная» сила, как метод или подход, фокусируется на пути к решению проблем, опираясь на контекст, политическую повестку дня, институты, союзы, партнерства и желаемый результат. «Умная» сила – это целый процесс, «всеобъемлющий» концепт, потому что он заложен в анализе ресурсов власти; анализе того, как сила может иначе осуществляться; анализе рамок, внутри которых умная сила может осуществляться наилучшим способом и анализе целей, которые могут быть достигнуты.

Важным элементом реализации политики «умной» силы является процесс принятия решений в отношении национальных интересов, формулирования и решения ключевых задач, выбора способов и инструментов их разрешения и накопления необходимых ресурсов, а также оценки достигнутых результатов и определения новых стратегических целей и задач, в соответствии с которым в основе

целеполагания лежат приоритеты обеспечения безопасности как в краткосрочных, так и долгосрочных перспективах. «Умная сила» подразумевает использование широкого инструментария «мягкой» и «жесткой» силы, сопровождающееся постоянным высоко динамичным поиском оптимального сочетания. В совокупности «умная сила» способствует эффективному использованию комплексной взаимозависимости для решения ключевых национальных, региональных и глобальных задач и является «не только силой над другими, но и совместно с другими».[15]

Современный контекст востребованности «умной» силы связан с изменениями в самом обществе, включая развитие глобальных взаимосвязей. Анализируя походы к пониманию феномена «умной» силы в целом, можно отметить, что в настоящее время в смысловом наполнении данного понятия больше всего преуспели американские исследователи. Поэ-

тому во многом данная концепция учитывает американскую специфику мирового лидерства и главным образом ориентирована на имеющиеся у США исключительные политические возможности. Об этом свидетельствует распространение трактовки «умной» силы, предложенной Наем и Армитиджем, в политологическом дискурсе других стран. Таким образом, концепт «умной» силы следует рассматривать, с одной стороны, как новый этап в развитии идей «жесткой» и «мягкой силы», а с другой – как новую теоретическую основу политической стратегии государства.

«Умная» сила занимает особое место в теоретическом осмыслении феноменов связанных с функционированием и эволюцией политической власти, а также создает новые возможности выбора политической стратегии для современных государств и других участников системы коллективного лидерства в мировой политике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bacon F. The works of Francis Bacon. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2006. Vol. 5. P. 80.
2. Трунов А.А. Томас Гоббс и его политическая теория // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. № 27. С. 16-27.
3. Wohlforth W. The elusive balance: Power and perceptions during the Cold war. Ithaca, N.Y.: Cornell univ. press, 1993. P. 59–137.
4. Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 49–52.
5. Давыдов Ю.П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 7.
6. Звягина Д.А. Сила государства: «мягкая», «жесткая», «умная» // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 18. С. 249-252.
7. Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политике // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 25. С. 93-98.
8. Nossel S. Smart power: The Bush administration has hijacked a once-proud progressive doctrine-liberal internationalism-to justify muscle-flexing militarism and arrogant unilateralism // Foreign affairs. N.Y., 2004. Vol. 83, N 2. P. 131–143.
9. Wilson III E.J. Hard Power, Soft Power, Smart Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science: Yoshihara E., Holmes, 2008., P. 110.
10. CSIS Comission on Smart Power: a smarter, more secure America. W., 2007, P.1
11. Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 26-43.
12. Dahl R. A. Who governs: Democracy and Power in an American City. New Haven, CT: Yale University Press, 1961. P. 384.
13. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига. 2010. С. 93
14. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшая школа экономики. 2010. С. 240.
15. Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2013. С. 18-23.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bacon F. The works of Francis Bacon. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2006. Vol. 5. P. 80.
2. Trunov A.A. Tomas Gobbs i ego politicheskaya teoriya // Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya. 2013. № 27. S. 16-27.
3. Wohlforth W. The elusive balance: Power and perceptions during the Cold war. Ithaca, N.Y.: Cornell univ. press, 1993. P. 59–137.
4. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Khrestomatiya / Sost., nauch. red. i komment. P.A. Tsygankova. M.: Gardariki, 2002. S. 49–52.
5. Davydov Yu.P. «Zhestkaya» i «myagkaya» sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh // SShA-Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura. 2007. № 1. S. 7.
6. Zvyagina D.A. Sila gosudarstva: «myagkaya», «zhestkaya», «umnaya» // Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2012. № 18. S. 249-252.
7. Chikharev I.A. «Umnaya moshch'» v arsenale mirovoi politike // Mezhdunarodnye protsessy. 2011. T. 9. № 25. S. 93-98.
8. Nossel S. Smart power: The Bush administration has hijacked a once-proud progressive doctrine-liberal internationalism-to justify muscle-flexing militarism and arrogant unilateralism // Foreign affairs. N.Y., 2004. Vol. 83, N 2. P. 131–143.
9. Wilson III E.J. Hard Power, Soft Power, Smart Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science: Yoshihara E., Holmes, 2008., R. 110.
10. CSIS Comission on Smart Power: a smarter, more secure America. W., 2007, P.1
11. Chikharev I.A., Stoletov O.V. K voprosu o sootnoshenii strategii «myagkoi sily» i «razumnoi sily» v mirovoi politike // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2013. № 5. S. 26-43.
12. Dahl R. A. Who governs: Democracy and Power in an American City. New Haven, CT: Yale University Press, 1961. P. 384.
13. Afontsev S.A. Politicheskie rynki i ekonomicheskaya politika. M.: KomKniga. 2010. S. 93
14. L'yuks S. Vlast': radikal'nyi vzglyad. M.: Izd. dom Gos. un-ta Vysshaya shkola ekonomiki. 2010. S. 240.
15. Nai Dzh. Budushchee vlasti. M.: AST, 2013. S. 18-23.